

Марианна Ильинична Ковальская

ДЖ. Г. БАЙРОН и КАРБОНАРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории. 1966, № 11. С.213-217.

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010. Тематические ссылки:

М.Ковальская. Движение карбонариев в Италии 1808-1821 гг.

текст: <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/carbognari.pdf>

иллюстрации, дополнения: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p73551112.htm>

М.Ковальская. Италия в борьбе за национальную независимость и единство. От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.

текст: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/risorgimento_kovalskaya.pdf

иллюстрации, дополнения: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p120414416.htm>

И.Полуяхтова. История итальянской литературы 19 в. Эпоха Рисорджименто

текст: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lit_risorgimento.pdf

иллюстрации, дополнения: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

См. также записи с темой «Италия» в нашем сообществе:

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/?tag=8099>

Ссылки на материалы

о Байроне: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#by>

*When a man have no freedom to fight for at home.
Let him combat for that of his neighbours.
Let him think of the glories of Greece and of Rome
And get knock'd on the head for his labours.**

Равенна 1819 года. Здесь, как и в других городах провинции Романья, остро чувствовалось, что Италия находится накануне бурных революционных событий. Романьольские карбонарии, наиболее активный и многочисленный отряд заговорщиков в Папском государстве, еще с 1817 г. не раз пытались поднять восстание против ненавистной власти папы и его приспешников — попов. Однако папской полиции, агенты которой нередко проникали в ряды карбонариев, удавалось срывать планы заговорщиков и предотвращать выступления.

Среди руководителей карбонарской организации Равенны видную роль играли представители старинного знатного рода Гамба, отец — Руджьеро и двадцатилетний сын — Пьетро. В 1819 г.

одним из ближайших друзей и единомышленников семьи Гамба стал Джордж Гордон Байрон¹. Горячая любовь к Италии, стремление видеть ее свободной и единой нашли яркое воплощение и в творчестве Байрона той поры. В поэме «Пророчество Данте», написанной в 1819 г., Байрон устами великого флорентийца предрекал грядущее освобождение и объединение всей Италии:

Моя прекрасная, столь падшая страна!
Гробницей стала ты надеждам, твой гонитель
Ликует, но — удар! И цепь раздроблена
Тысячелетняя! Зачем же медлит мститель?..
Что ж надо, чтобы смыть губительный позор?
Чтоб красота твоя в лучах освобожденья
Сверкнула, расцвела? Чтоб кряж Альпийских гор
Вновь неприступным стал? Одно лишь: Единенье!².

Жажда активной политической деятельности, присущая мятежной натуре поэта, толкала его в самую гущу событий, развертывавшихся в Равенне. Он становится одним из руководителей отряда «Американских стрелков». «Mericanì» (они называют меня их «саро» или главой) означает «американцы», — писал Байрон Дж.Меррею, — так называют в Романье местных карбонариев, вернее, народную их часть, их отряды. Первоначально это было сообщество лесных охотников, называвших себя «американцами», а теперь оно включает несколько тысяч человек...»³.

В Романье было еще несколько народных отрядов: «Сибирь», «Долг», «Защитники родины», «Сыновья Марса», «Реформированные масоны», «Иллюминаты» и др. В совокупности все эти общества представляли собой чрезвычайно интересное явление, которое современники определяли единым понятием «карбонарская толпа»⁴. Дошедшие до нас материалы судебных процессов, проводившихся над карбонариями в Папском государстве, дают возможность судить о причинах появления этих обществ, их структуре и функциях. Одним из главных поводов, побудивших карбонарских руководителей к созданию народных обществ, были жестокие меры папского правительства против карбонариев и прежде всего использование в борьбе с ними тайных антилиберальных организаций санфедистов и кончисториалов. Все высшее духовенство Рима и провинций участвовало в деятельности этих объединений, вербовавших своих сторонников среди преступников и авантюристов⁵. В борьбе с карбонариями было разрешено и — более того — поощрялось применение любых, даже самых кровавых средств. В ответ на

* «Если человек не может бороться за свободу у себя на родине, дайте ему возможность сражаться за освобождение соседних народов, позвольте ему мечтать о славе Греции и Рима и головой расплатиться за эту борьбу» (Четверостишие из письма Дж.Г.Байрона Томасу Муру, 5 ноября 1820 года. G.G.Byron. Letters and Journals. Vol.5. Paris. 1833, p.111).

террор, осуществляемый правительством, карбонарии прибегли к помощи вооруженного народа. Романьольский карбонарий Орселли на процессе в Милане в 1821 г. заявил, что жизнь карбонариев в Романье постоянно находилась под угрозой и поддержка простонародья была необходима для охраны их безопасности⁶. Члены обществ, составлявших «карбонарскую толпу», не были членами вент, но все эти общества были подчинены вентам и возглавлялись карбонариями, носившими название «народный вождь» (саро роролю)⁷. Одним из таких вождей и был Байрон. За различные услуги (в частности, за ночное патрулирование по городу) члены народных организаций (поскольку они состояли из неимущих) получали вознаграждение из карбонарской кассы. Каждый, кто вступал в народное общество, с завязанными глазами клялся на кинжале «повиноваться своим вождям и защищать патриотов и родину от врагов». И каждый должен был постоянно носить потом оружие, полученное от карбонариев, чтобы в любой момент прийти им на помощь. Народные общества существовали во всех крупных карбонарских центрах Романьи. Равеннский отряд «Американских стрелков» был крупнейшим среди них. Вооружение его в большой мере осуществлялось за счет личных средств Байрона. В донесении папской полиции, ни на минуту не выпускавшей из-под надзора этого «опасного лорда», «ярого возмутителя общественного спокойствия», «покровителя Американских стрелков и первого революционера Равенны», говорилось, что Байрон «отдает приказания направо и налево», что он «раздает деньги темным личностям, которые составляют его общество. Он никогда не имеет дела с благонамеренными и честными людьми». Но с иностранцем и столь знатным человеком нельзя было расправиться, как с местными карбонариями, и полиция обращалась в Ватикан, прося прислать «более точные инструкции относительно лорда»⁸.

Весной 1820 г. революционные настроения в Италии достигли высокого накала. «В Италии созревает такое, — писал Байрон Меррею 16 апреля, — что всякая связь может прерваться... Испанские и французские дела вызвали в Италии брожение, и не удивительно: слишком долго ее попирали... Если здешние жители позволят, я останусь посмотреть, чем кончится дело, а то и принять в нем участие...; ибо я считаю, что в жизни не может быть более интересного зрелища и момента, чем итальянцы, загоняющие варваров всех наций обратно в их берлоги. Я достаточно долго прожил среди них, чтобы сочувствовать их национальному делу более, чем любому другому; но им недостает

единства и принципиальности, и я сомневаюсь в их успехе. Однако они, очевидно, попытаются, и это будет правое дело»⁹. А 23 апреля Байрон уже рассказывал Меррею о стихийном антиправительственном выступлении в Равенне прошедшей ночью: «Вероятно, они всю ночь работали, потому что лозунгов «Да здравствует республика!», «Смерть попам и священникам!» бесчисленное множество, и они наклеены на все дома; наших сторонников очень много. Среди лозунгов имеются также «Долой знать!»... Я пророчу Италии драку — и в этом случае я не уверен в том, что не приложу к ней свою руку. Я ненавижу австрийцев и считаю, что они гнусно угнетают итальянцев»¹⁰. Подпольные карбонарские газеты призывали народ к активным действиям. Так, газета «Illuminatore» в апреле 1820 г., предсказывая грядущую революцию, обращалась к своим читателям: «А что делаете вы? Как вы готовитесь к этой войне? Где ваше оружие? Где ваши средства? Где ваши планы? От кого ждете вы свободы?»¹¹.

Особенно напряженная обстановка сложилась в Романье под влиянием революции в Неаполе, начавшейся в ночь на 2 июля. Байрон узнал о событиях на юге от приехавших из Неаполя Пьетро Гамба и другого видного карбонария — Чиконьяни. «Мы здесь накануне эволюций и революций. Неаполь восстал, и среди романьольцев волнение»¹², — сообщал он Меррею 22 июля. В тот же день в дневнике поэта появилась следующая запись: «Здесь еще только отсветы извержения вулкана, но почва горячая и атмосфера напряженная... Имели место столкновения войска с народом... В умах здесь — великое смятение, которое приведет неизвестно к чему»¹³. Горячо сочувствуя делу неаполитанцев, Байрон с великой ненавистью отзывался о руководителях Священного союза, решивших подавить военной силой Неаполитанскую революцию. «Пусть выступают, проклятые собаки!.. — писал он о предстоящей австрийской интервенции. — Есть еще надежда, что из их костей нагромоздят холмы»¹⁴. «*Державы* намерены воевать с народами, — читаем в дневниковой записи Байрона от 13 января 1821 года. — Пусть — все равно их когда-нибудь разобьют. Времена королей быстро близятся к концу... Народы в конце концов победят. Я не доживу до этих времен, но их предвижу»¹⁵. Поразительно совпадение взглядов Байрона с высказыванием А.С.Пушкина, свидетельствующее о глубоком постижении обоими великими поэтами сущности политических явлений. В начале 20-х годов Пушкин находился в своей первой ссылке в Кишиневе. Однажды, как рассказывает очевидец — кишиневский чиновник П.И.Долгоруков, — за столом у заместника генерала Инзова поэт «начал рассуждать о тогдашних

политических переворотах в Европе и, переходя от одного обстоятельства к другому, вдруг отпустил нам следующий силлогизм: «Прежде народы восставали один против другого, теперь король Неаполитанский воюет с народом, Гишпанский — тоже; нетрудно расчесть, чья сторона возьмет верх»¹⁶. Верой в конечный успех дела итальянцев звучат и слова Байрона из письма к Д. Киннэду, где поэт, бесстрашно декларируя свои взгляды, заявлял: «Полиция сейчас подчинена немцам... которые... видимо, вскрывают все письма. Я не возражаю: пусть видят, как я ненавижу и глубоко презираю зверей — гуннов и все гнусности, которым им, впрочем, не долго удастся совершать — ибо время, общественное мнение и месть пробужденного народа сокрушат их и трупы их удобряют итальянскую землю; не через год или два, может быть, и не через десять, но это будет, и ради того, чтобы приблизить это время, можно, кажется, отдать все»¹⁷. Готовность Байрона пожертвовать всем во имя счастья и свободы Италии проявилась, в частности, в его стремлении стать в ряды защитников дела Неаполитанской революции. В его бумагах сохранился черновой набросок обращения к неаполитанским повстанцам, написанный по-итальянски. «Англичанин, друг свободы, — говорилось в нем, — узнав, что неаполитанцы разрешают и иностранцам содействовать правому делу, просит оказать ему честь, приняв от него тысячу луидоров, которые он осмеливается предложить... Если в качестве простого волонтера он своим присутствием не окажется лишним бременем для того, кто будет им командовать, он готов явиться в любой указанный неаполитанским правительством пункт, дабы подчиняться приказаниям своего командира, преодолевать вместе с ним любые опасности, не ставя перед собой никакой иной цели, как разделить судьбу отважного народа, сопротивляющегося так называемому Священному союзу, который сочетает лицемерие с деспотизмом»¹⁸.

Недовольство порядками в Папском государстве стало во время Неаполитанской революции всеобщим. Стремление к переменам достигло апогея. Австрийская полиция следила за настроениями населения с величайшим вниманием: «В городах Имола и Римини, — говорилось в одном из донесений австрийского агента, — жители дошли до такой дерзости, что угрожают вооруженным силам... восклицая: Конституция или смерть!.. В присутствии властей и сил, предназначенных для охраны порядка, они осмеливаются петь «Ca ĩga»... и исполнять танец.. в ходе которого приносится священная клятва родине и свободе»¹⁹. «На площадях и в кабачках Феррары, — сообщал другой австрийский

агент, — обнаружены прокламации со следующими словами: «Смерть кардиналу! Смерть гнусному правительству попов!»²⁰. Волнения охватили многие города Папского государства.

Настроения жителей папских владений занимали в то время большое место в донесениях из Рима русского посланника А. Я. Италинского. Еще в июле он сообщал о стычках между горожанами и армией в Фаэнце и Равенне. На улицах Рима, отмечал он, часто появляются афиши революционного содержания. Один из таких плакатов Итальянский приложил к своему донесению: «Римляне! Настал час заявить вам о своих правах. Берите пример с ваших благородных соседей неаполитанцев, сведите счеты с порфиноносным тираном, с его злодеяниями, преследованиями, с его деспотизмом. Движение против тирании охватило всю Европу. Неужели вы, римляне, одни останетесь в рабстве?!»²¹.

Главными центрами карбонарских заговоров в Папском государстве являлись Марки и Романья. На судебном процессе папских карбонариев член венты Дж. Ладерки поведал о плане восстания, разработанном Центральным советом карбонариев Романьи в августе 1820 года. Руководители рассчитывали, что около 4 тыс. человек смогут выступить в октябре с оружием в руках, чтобы свергнуть папскую власть. Предполагалось, что в походе на Рим карбонариев Романьи поддержат организации других частей Папского государства. Однако внутренние разногласия заставили карбонариев отложить осуществление этого плана²². Напряженно готовились к восстанию и карбонарии Равенны. На все важнейшие их встречи, проходившие почти ежедневно, получал приглашения Байрон. Планы карбонариев и участие в их деятельности английского поэта не были тайной для вездесущей папской полиции. В полицейском донесении от 2 сентября 1820 г. читаем: «Говорят, что в Равенне есть злонамеренные лица, которым помогает английский лорд. Говорят также, что по тайному соглашению с другими городами Романьи и с Болоньей ярмарка в Луго (в начале сентября. — М. К.) должна будет послужить сигналом для всеобщего восстания и что, по их плану, надо попытаться начать восстание в Равенне»²³. Вследствие нерешительности части руководства, а также полицейских мер восстание, назначенное на сентябрь, не состоялось. Расхождения между сторонниками немедленного выступления и теми, кто требовал его оттяжки на неопределенный срок, наметившиеся еще накануне сентября, еще более усилились. Байрон поддерживал тех, кто был против промедления. Он не раз с осуждением писал,

что «либералы медлили до тех пор, пока не упустили возможность сделать что-либо стоящее»²⁴.

К началу 1821 г. политическая обстановка в Равенне была накалена до предела. «Сегодня в театре, — отмечал Байрон в дневнике 6 января 1821 г., — в последнем действии комедии — когда показали короля на троне — в публике раздался смех и возгласы, требовавшие Конституцию. Это показывает здешнее состояние умов». «Как сильно здесь брожение умов, трудно себе представить, если не видишь сам»²⁵, — записал он 30 января. Современники рассказывают, что если незнакомые люди встречались на улице, то один спрашивал другого: «два» или «три», имея в виду двухцветный австрийский флаг и трехцветный карбонарский. По ответу можно было судить, с кем он встретился, — с другом или врагом. Действия папских агентов, сотрудничавших с австрийской полицией, стали особенно активными. Участились обыски в домах либералов и аресты их в случае обнаружения подозрительной литературы и оружия. Чтобы отвести угрозу тюрьмы от местных карбонариев, Байрон предложил свой дом в качестве места хранения оружия, накапливаемого для восстания. «Сегодня от моих приятелей — Карбонариев, — писал он в дневнике 18 февраля, — не было никаких вестей; а между тем нижний этаж моего дома завален их штыками, ружьями, патронами и прочим»²⁸.

Новый (и последний) план восстания, разработанный карбонариями Равенны, намечал выступление на 15 февраля и связывал его с моментом, когда, по их расчетам, австрийцы должны были перейти реку По. На совещаниях Байрон давал раввинским карбонариям мудрые советы, которым они, увы, часто неспособны были следовать. Так, он не только полагал, что необходимо начать борьбу в ближайшее время: «лучше драться, чем дать схватить себя поодиночке», — но и высказывался за тактику партизанской войны. «Я посоветовал им выступить мелкими отрядами и в разных местах (но в одно время), чтобы рассеять внимание войск»²⁷, — отмечал он в дневнике. С нетерпением ждал Байрон начала восстания. «Сегодня вечером, — записывал он 30 января, — граф П[ьетро] Г[амба] (по поручению к[арбонариев]) сообщил мне новый пароль на ближайшие полгода... Дело, как видно, близится к развязке — са ira! Мы обсудили некоторые важные вопросы движения. Их я опускаю; если что-нибудь выйдет, они будут говорить сами за себя». И далее: «Когда с минуты на минуту ожидаешь взрыва, трудно сосредоточиться за письменным столом на поэзии высшего рода»²⁸.

С удивительной пронизательностью Байрон улавливал слабые стороны движения: «Интересно, как покажут себя итальянцы в настоящем бою. Мне иногда кажется, что они... годятся только для «выстрелов из-за угла...». И все же в этом народе заложены отличные качества и благородная отвага, которую только надо бы направить. Но кто же сделает это?». С осуждением писал он о легкомыслии равеннских руководителей: «Главные участники событий, ожидаемых в ближайшие дни, отправились на охоту»²⁹. Байрон был глубоко убежден, что следует привлечь на сторону революции крестьянские массы: «Они не наберут и тысячи человек. А все из-за того, что простой народ не заинтересован — только высшие и средние слои. А хорошо было бы привлечь на нашу сторону крестьян — это храбрая, свирепая порода двуногих леопардов»³⁰. «Им недостает единства и принципиальности, и я сомневаюсь в их успехе»³¹, — замечал поэт в письме к Меррею. Однако неуверенность в победе и ясное понимание слабостей движения не расхолаживали Байрона в его намерении принять участие в борьбе. «Что ж, я не отступлю, — писал он в дневнике, — хотя не вижу в них достаточно силы и решимости, чтобы добиться больших результатов. Но вперед! — пора действовать настала, и что значит твоя особа, если можно передать в грядущее хоть одну живую искру того нетленного, что достойно сохраниться от прошлого?... Волны, атакующие берег, разбиваются одна за другой, но океан все же побеждает»³². И Байрон делал все, что было в его силах, чтобы обеспечить успех с предполагавшемуся восстанию. «Купил оружие для вновь набранных Americani, которым не терпится выступить. Заказал необходимую сбрую для лошадей и дорожные сумки», — записывал он 5 февраля. «Все, что я могу сделать деньгами или иными средствами или личным участием, все это я готов сделать ради их освобождения; и так и сказал им (некоторым из здешних предводителей) полчаса назад. У меня имеется при себе две тысячи пятьсот скуди, т.е. более пятисот фунтов, которые я и предложил для начала»³³.

Быстрое продвижение австрийской армии и поражение неаполитанцев явились главной причиной того, что восстание романьольских карбонариев так и не было осуществлено. Дневники и письма Байрона тех дней полны горечи и печали. «Я не менее вас разочарован и больше вас обманут в своих надеждах, — писал он Томасу Муру. — Кроме того, мне лично грозила опасность, которая еще не миновала. Но ни время, ни обстоятельства не изменят моих убеждений или моего чувства негодования против торжествующей тирании... Сейчас... я не могу много писать, ибо все письма вскрываются. В моих всегда можно

найти мои убеждения, но ничего такого, что могло бы повредить другим»³⁴. После поражения Неаполитанской революции в Папском государстве начались массовые преследования всех либерально настроенных людей. «По всей стране, — писал Байрон Р.Б.Хоппнеру 23 июля 1821 г., — идут репрессии, — все мои друзья арестованы или высланы... Я решил перебраться в Швейцарию... По правде говоря, мою жизнь здесь нельзя считать в безопасности... Вы не можете себе представить, какому гнету подвергается страна — в Романье арестовано более тысячи человек всех сословий — иные высланы, иные заключены в тюрьму, без суда и следствия и даже без обвинения! Все говорят, что со мной сделали бы то же самое, если бы смели действовать открыто»³⁵. Семья Гамба вынуждена была бежать в Пизу. Вслед за нею перебрался туда и Байрон. Однако вскоре отец и сын Гамба были арестованы папской полицией. В 1825 г. был вынесен приговор 515 арестованным романьольцам; Руджьеро Гамба был приговорен тогда к 30, а Пьетро к 20 годам заключения.

Участие в национально-освободительной борьбе итальянского народа оказало большое влияние на творчество великого поэта. В 1821 г., после поражения революционного движения, Байрон создал ряд драматических произведений («Каин», «Марино Фальеро», «Двое Фоскари»), где рядом с трагическим отчаянием, порожденным (крушением надежд на освобождение итальянского народа, звучит тема оправдания революционного насилия, утверждается право народа на восстание против несправедливости и угнетения. Доносившиеся до Италии, где повсюду торжествовала реакция, отзвуки революционных событий, развертывавшихся в Испании и Греции, не давали покоя Байрону. Не прошло и двух лет после полной опасностей и риска жизни Байрона—карбонария в Равенне, как он отправился в Грецию—навстречу новым революционным бурям.

1 Глубокое чувство связало поэта до конца его жизни с дочерью Руджьеро Терезой.

2 Байрон. Избранные произведения. М. 1953, стр.190. Поэма пользовалась в Италии огромной популярностью. Ее итальянский перевод получил широчайшее распространение по всей стране.

3 Байрон. Дневники. Письма. М. 1963, стр.282. Существует две версии о происхождении названия «американцы». Первая утверждает, что оно дано в честь участников американской революции; вторая связывает его с кабачком «американцев», где проходили собрания этой организации.

4 «Карбонарской толпе» на родине карбонаризма — в Южной Италии — уделил большое внимание Дж.Берти в своей последней книге «Демократы и социалисты в период Рисорджименто». М. 1965.

5 Архив внешней политики России (АВПР), ф.Канцелярия, 1820, д. 4503, лл.78 об. — 79 об.; Дж.Канделоро. История современной Италии. Т.2. М. 1961, стр.76—77.

6 «I Carbonari dello Stato pontificio ricercati dalle inquisizioni austriache nel Regno Lombardo-Veneto (1817—1825)». Documenti inediti da A. Pierantoni. Vol.2. Roma. 1910, p.308.

7 «I Carbonari dello Stato...». Vol.I. Roma. 1910, p.24.

8 I.Origo. The Last Attachment. London. 1949, p.232.

9 Байрон. Дневники. Письма, стр.188.

10 G.G.Byron. Letters and Journals. Vol.5, p.8.

11 G.Bandini. Giornali e scritti politici clandestini della Carboneria romagnols (1819—1821). Roma—Milano. 1908, p.179.

12 G.G.Byron. Letters and Journals. Vol.5, p.57.

13 Ibid.

14 Байрон. Дневники. Письма, стр.200.

15 Там же, стр.206.

16 «Звенья». Т.9. М. 1951, стр.88.

17 Байрон. Дневники. Письма, стр.192; см. также стр.231.

18 Байрон. Избранные произведения, стр.445. По-видимому, это письмо не дошло до Неаполя.

19 «Carte segrete e atti ufficiali delta polizia austriaca in Italia dal 1814 al 1848». Vol.I. Capolago. 1851, p.301.

20 «Carte segrete...». Vol.2. Capolago. 1852, p.158.

21 АВПР, ф.Канцелярия, 1820, д.10007. л.311.

22 «I Carbonari dello Stato...». Vol. 2, pp.14—15.

23 I.Origo. Op.cit., p.223.

24 Байрон. Дневники. Письма, стр.190; см. также «Lord Byron's Correspondence with Lady Melbourne». Vol.2. London. 1922, pp.159—160.

25 Байрон. Дневники. Письма, стр.196, 218.

26 Там же, стр.224.

27 Там же, стр.197, 198.

28 Там же, стр.218.

29 Там же, стр.199—200, 212.

30 Там же, стр.212.

31 Там же, стр. 188.

32 Там же, стр. 201.

33 Там же, стр. 220, 226.

34 Там же, стр. 232.

35 Там же, стр. 281.